

Певерелл не должен был этого делать - он обязан был поступать по совести, а не по приказу. Но с самого детства он знал свое место в мире. Он был инструментом, всегда готовым подчиниться тому, кто властно держал его судьбу в своих руках. Сальвазсахар лишь покачал головой. — Ты ничего не мог сделать. Ты ничего не сможешь сделать. Дело сделано. Я уничтожил того, кто был мне дорог, как родной сын, всего лишь из-за глупой клятвы, данной много лет назад, — прошептал он, и новые слезы покатались по его щекам. — Я заслуживаю вечного огня за содеянное. — Ты смертен. Ты несовершенен, Сальвазсахар. Ты забыл, что, даже прожив дольше меня, даже увидев и сделав больше, чем я когда-либо смогу, в конце концов, ты все равно не знаешь всего. Ты будешь ошибаться, ты выберешь неправильный путь, тебе будет больно, ты потерпишь неудачу, и ты будешь страдать. Возможно, твое решение было ошибкой. Но, возможно, ты прав, и вина за все, что случилось, не твоя... Сальвазсахар презрительно хмыкнул, и белое пламя вспыхнуло с новой яростью. — Это было мое решение. Это моя вина, — сказал он. — Твой разум сломлен, ты не видишь вещей ясно. Ты заостенел в своих убеждениях, не способен измениться и не замечаешь, что ты не всемогущий бог, — с грустной улыбкой ответил Певерелл. — И все же, живя с таким разрушенным разумом, ты лишь встанешь на путь невозврата. Ты рухнешь в бездну, если я позволю... — Я не останусь в живых. Я больше не хочу жить. Тьма не сможет забрать меня, если я умру, — прошипел Сальвазсахар, и белое пламя, окружавшее их, трепетало от его ярости. — Твое время еще не пришло, — сказал Певерелл. — Ни сейчас, ни в ближайшее время. Я не позволю тебе страдать от безумия до конца жизни. В ответ Сальвазсахар горько усмехнулся. — И что же ты будешь делать? Попытаешься убедить меня, что я не убил своего брата? — он поднял разбитый крестраж. — Посмотри на него, последнее, что хранило жизнь моему брату! Это я уничтожил его. Это мои руки совершили это. Можешь ли ты, видя эти улики, сказать, что это не я убил своего брата? Певерелл посмотрел на медальон в руках Сальвазсахара. Затем он заглянул в глаза, полные смертельной зелени, и мысленно протянул руку к разуму другого человека. Барьеры разума Сальвазсахара рухнули, впуская Певерелла, показывая ему все. Это было больше, намного больше, чем он мог себе представить. Жизнь, начавшаяся с страданий и даже в лучшие моменты несла в себе отпечаток боли. И впервые Певерелл задумался, как Сальвазсахар не сломался много веков назад. Ответ был горьким. Мирддин, отец Сала, предсказал это много веков назад. — Ты не из этого времени. Даже если ты возродился здесь, ты не должен существовать, потому что нет обстоятельств, которые могли бы привести к твоему появлению, — сказал он. — Поэтому твое тело будет в стазисе, пока ты не вернешься в свое законное время. Это значит, что ты сможешь расти умом, но не телом. И Мирддин был прав - и одновременно неправ. Певерелл видел истину в сломленном человеке перед ним, человеке, который уже определился в своем образе жизни и в то же время боролся с самим собой. И это была не борьба между добром и злом, а настоящая борьба человека, обладающего многовековым опытом и знаниями, вынужденного жить с хаотичным, подростковым мозгом пятнадцатилетнего подростка. Это было несоответствие. Мозг пятнадцатилетнего подростка не был похож на мозг взрослого. Певерелл знал это. Возможно, он не изучал этот вопрос глубоко, но он был учителем и прожил дольше всех, кого знал, кроме Салазара. Он видел разницу в мышлении взрослого и пятнадцатилетнего. "Это значит, что ты сможешь расти умом, но не телом." Как же прав был Мирддин Эмрис. И как же он ошибался. Человек перед ним определенно вырос умом, но мозг ребенка, даже после столетий жизни, все еще был подвержен влиянию своей структуры. — Проклятая жизнь, — с горечью заключил Певерелл. — Проклятая знаниями и опытом старика и в то же время мозгом и телом ребенка. Желания ребенка, но жизнь взрослого с самого рождения. Способности взрослого, но неустойчивая магия ребенка после первого взросления. О, Певерелл должен был отдать должное Сальвазсахару. Этот человек точно знал, как скрыть свои недостатки. Певерелл догадался, что Сальвазсахар научился подавлять или обходить свой подростковый мозг и магию силой воли и необходимостью. Человек перед ним определенно повзрослел, по крайней мере, душой. Но в то же время, в отличие от настоящих детей, этому человеку пришлось бороться за вступление во

взрослую жизнь, просто потому что, в отличие от других детей, тело и мозг Сала отказывались стареть вместе с его разумом – факт, который, как понял Певерелл, еще не был полностью преодолен стоящим перед ним человеком. — Что ж, один шаг вперед, два шага назад, — мрачно размышлял Певерелл, прекрасно понимая, что мнения Сала о мире формировались веками – даже если на их формирование ушло больше времени, чем если бы Сал был нормальным. Но Певерелл также знал, что мозг этого человека еще не сформировался для такого пути – единственная причина, по которой еще оставалась надежда спасти этого сломленного человека, стоящего перед ним. Руки Певерелла обхватили руки Сальвазсахара и сомкнулись вокруг медальона в его руках. — Ты не убил своего брата, — сказал Певерелл. — Сейчас может казаться, что это так, но единственное, что ты дал ему в итоге, — это покой, которого он так и не обрел в жизни. Возможно, ты поступил неправильно, пытаясь сделать это, я не могу судить об этом, но в конце концов для него не было спасения, кроме того, которое ты ему дал. Сальвазсахар лишь покачал головой, и пламя, окружавшее их, снова начало лизать его черты. Певерелл знал, что у него нет времени, чтобы заставить Сальвазсахара поверить в его утверждения, поэтому он оставил все как есть. Вместо этого он сделал единственное, что мог сделать. Он обнял стоящего перед ним человека, одновременно обращаясь к своему наследию, как к уроженцу Фирболга. Силы, которые он не использовал веками, вспыхнули и окружили тело, которое он защищал в своих объятиях. В мгновение ока магия Певерелла столкнулась с силой другого уроженца Фирболга, пытаясь остановить его. Но если магия Сала, даже отточенная до совершенства, оставалась магией юного, только что вступившего во взрослую жизнь, то Певерелл владел силой зрелого человека. И пусть навыки Сальвазсахара, оттачиваемые веками, давали ему преимущество в бою и исцелении, не сравнимое ни с чем, его магия, как бы он ни умело ею владел, не могла сравниться с силой зрелого Фирболги. Магия Сальвазсахара пошатнулась под натиском магии друга, и Певерелл увидел, как его собственная сила окутывает магию другого, сдерживая ее, заставляя подчиняться своей воле. Белое пламя, вспыхнувшее мгновением ранее, погасло, и когда Певерелл снова взглянул на друга, в его глазах он увидел лишь предательство. Певерелл улыбнулся. — Мне жаль, Сальвазсахар, — произнес он, тщательно выговаривая имя друга. — Но твое время еще не пришло. Возможно, позже ты будешь меня ненавидеть за это, и будешь прав, но если ты когда-нибудь окажешься в беде, а я буду рядом, приходи и найди меня. Я предал тебя однажды, больше я этого не сделаю.